

ГАЛИНА РОМАНОВА

ИГРЫ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Галина Владимировна Романова
Игры небожителей
Серия «Детективы Галины
Романовой. Метод Женщины»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611245

Игры небожителей : [роман] / Галина Романова: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-107338-1

Аннотация

К дознавателю Князеву является пожилая учительница Анна Скоморохова. Она уверена, что четырнадцать лет назад ее ученик Глеб Ильин вместе со своим приятелем Сугробовым убил ее сына. Ильин был сыном мэра, и тогда это дело замяли.

Теперь же Глеб и сам пробивает себе путь в политику, а Сугробов бесследно пропал. Но обратиться в органы именно сейчас женщину заставило неожиданное появление еще одного действующего лица той давней истории...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	65
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Галина Романова

Игры небожителей

Глава 1

В кабинете было так жарко, что ему казалось, все плавится. Жесткое сиденье рабочего кресла сделалось невыносимо горячим, и он ерзал на нем, как на раскаленной адовой сковородке. Тонкая ткань рубашки на спине превратилась в один огромный горчичник, и между лопатками жгло невыносимо. Пыльные лопасти старого вентилятора совершенно не спасали ситуации. Видит бог, они старались, с жалобным поскрипыванием разгоняя горячий воздух, но лучше не становилось. И даже слова пожилой женщины, сидевшей напротив, казавшиеся поначалу полным бредом, вдруг перестали таковым казаться. Ее нытье превратилось в странный ритуальный речитатив, напоминающий шаманский абарал. Он где-то слышал это слово и совершенно точно знал, что оно означает шаманские заклинания. Правда, затруднялся сказать, какой национальности оно принадлежало, то ли бурятам, то ли индейцам. Но это было неважно. Важным сейчас казалось то, что женщина, похоже, добилась своего. Он готов был ее слушать, уже почти поверил ей и собирался пойти с ней туда, куда она его звала.

Конечно, конечно, побуждением к действию вполне могло быть желание поскорее вырваться из душного кабинета, в котором ближе к полудню становилось просто невозможно дышать. Он сейчас готов был пойти куда угодно, лишь бы слезть с огненного сиденья рабочего кресла. Пусть даже идти ему пришлось бы следом за ней – за Скомороховой Анной Ивановной.

– Анна Ивановна...

Он осторожно ставил локти на стол – из опасения обжечься. Его кабинет сейчас напоминал ему мартеновский цех.

– Анна Ивановна, я готов пойти с вами. И готов взглянуть на то место, которое вы называете местом преступления, – признался он нехотя. – Но для начала давайте еще раз все уточним.

– Давайте, – очень медленно кивнула она.

Очевидно, горячий воздух, гоняемый по кабинету скрипучими лопастями старого вентилятора, и ее измучил.

– Вы утверждаете, что ваш ученик...

– Мой бывший ученик, – поправила она.

– Да, хорошо... Вы утверждаете, что ваш бывший ученик – Ильин Глеб Сергеевич – причастен к ряду преступлений. Правильно я вас понял?

– Совершенно.

– И преступления эти он начал совершать, еще будучи ребенком?

– Подростком, – внесла она уточнение. – Первый раз это

случилось, когда ему было четырнадцать лет.

– Сейчас ему двадцать восемь, – задумчиво обронил он.

– Совершенно верно. Первый раз это произошло четырнадцать лет назад. Именно тогда он убил моего...

И снова голос изменил ей, дрогнув. Всякий раз, как она доходила до этого места в своем длинном повествовании, голос ее срывался.

– Когда он убил моего мальчика. Моего единственного сына, – нашла она в себе силы договорить до конца. – Но он был тогда не один. Их было двое. Ильин и Сугробов. Одному было четырнадцать, Ильину. Сугробову было шестнадцать. Он был на два года старше.

– Был... Вы все время говорите о нем в прошедшем времени, Анна Ивановна. Почему?

– Потому что его больше нет.

– Как это?

– Ильин убил и его тоже.

– И тому есть официальное подтверждение?

Он вдруг заинтересовался и перестал чувствовать себя овощем, подвергшимся тепловой обработке. Про Сугробова она заговорила впервые.

– Нет. – Она высоко задрала подбородок и с ненавистью глянула на него из-под опущенных редких ресниц. – Нет тому никакого подтверждения. Потому что Сугробов пропал так же, как и мой ребенок. Несколько месяцев назад пропал.

– И его никто не искал?

– А кто его станет искать? Кому это нужно? Сестре, которую он изводил своими пьяными дебошами? Бывшей жене, которая устала от него прятаться? Мне кажется, что они все перекрестились, когда он вдруг исчез.

– А когда это случилось? Когда Сугробов исчез?

– Три месяца назад.

– То есть в начале весны?

– Да.

– А почему вы пришли к нам только сейчас?

– Ну почему же! – Она фыркнула и широко распахнула глаза цвета черного неба. – Я приходила три месяца назад. Говорила с вашим начальником. Новиков, кажется? Только от меня отмахнулись как от назойливой мухи. Заявления о его исчезновении я написать не могла, потому что не являюсь родственником. А его родственники, сколько я с ними ни говорила, подобных заявлений писать не стали.

– А вам?..

Договорить она ему не позволила:

– Да, а мне больше всех нужно! Потому что у меня была причина. То есть она и есть. Она не исчезла. И причина эта в том, что тело моего ребенка так и не было найдено. А виновные не были наказаны.

– Потому что они не были найдены?

– Ай, бросьте! – Ее лицо исказила гневная гримаса. – Все знали, кто стоит за его исчезновением. Все! Включая ваше руководство. Но как можно было взять под подозрение сы-

на мэра? О чем вы! Уважаемая семья, прекрасная политическая карьера, и вдруг такое! Да кто позволит дать этому делу ход?

«Никто, – подумал он. – Особенно четырнадцать лет назад».

– Никто и не позволил. Тем более из-за сына какой-то учительницы. Кто она вообще такая? Чего поднимает шум? У нее вообще с психикой все в порядке? Ей вообще возможно доверять обучение детей? Конец цитаты, – произнесла она, криво усмехнулась. – Мне потом и не доверили. Тихо уволили, предложив место в городском архиве, где я просиживаю свою жизнь до сих пор. Жить-то надо было на что-то. На что-то надо было нанимать адвокатов, частных детективов.

– Вы нанимали частных детективов? – изумился он.

– Пришлось.

– И были результаты?

– Нет. Им так же, как и всем остальным, не позволили пойти дальше очерченного рубежа. Один из них просто наболтал мне чепухи и исчез с радаров, как это сейчас говорят. Второй вернул деньги и пожал плечами.

– Понятно, – изрек он философски, хотя ему ничего не было понятно. – Четырнадцать лет прошло с момента исчезновения вашего сына. Три месяца с момента исчезновения одного из подозреваемых вами. У меня вопрос: почему сегодня? Почему сегодня вы снова здесь?

Она посмотрела на него как на идиота. Так, наверное, она

смотрела на тупых учеников, не усвоивших материал с первого объяснения.

– Я же начала именно с этого! – тихо возмутилась Анна Ивановна. – Вы не слушали? Не слышали меня?

– Мы же решили еще раз все уточнить, – миролюбиво улыбнулся он ей, стыдясь того, что действительно все прослушал из-за этой чертовой жары.

– А... Ну да... – приняла она объяснение и «двойку» ему не поставила. – Так вот... Позавчера, поздним вечером, в субботу, ко мне врывается девушка моего бывшего ученика. Вся в слезах. И утверждает, что полчаса назад на ее глазах ее парня похитили.

– Где это случилось? Во сколько?

Он взял в руки ручку, занес ее над листом бумаги. Не для протокола, нет. Для этого пока не было никаких оснований. Просто решил записать. Сделалось интересно, если честно.

– Случилось это на пересечении улицы Вермишева и переулка Садового. В половине одиннадцатого вечера, уже достаточно темно было.

И он тут же подумал, что в том месте – на пересечении улицы Вермишева и переулка Садового – темно даже днем. Там почти никто не ездит и уже давно никто не живет. Деревья там растут так тесно, что сквозь кроны не видно полуденного неба. Узкая выщербленная дорога, извилисто петляя, заканчивается тупиком.

Зачем кому-то понадобилось назначать там свидание?

Что за блажь? Что за поиски неприятностей?

– Варвара говорит, что они с Пашей там всегда встречались.

– Варвара – это та самая девушка, которая прибежала к вам? – уточнил он, записывая.

– Совершенно верно.

– А Павел – ее парень? Ваш бывший ученик?

Он снова записал.

– Совершенно верно, – повторила Анна Ивановна.

– Фамилии у этих персонажей имеются?

– Павел Игумнов был одноклассником Сугробова, – чрезвычайно зловещим шепотом произнесла бывшая учительница.

– Вот как! – Он на мгновение перестал писать. – И хорошим был учеником? Или таким же шалопаем, как Сугробов?

– А кто вам сказал, что Сугробов был шалопаем? Он был очень хорошим мальчиком. Отличником.

– Но вы сами...

– Это потом, много позже, он превратился в чудовище, изводящее близких. Но учился он отлично. И на олимпиадах городских побеждал. Вместе с Ильиным и... И моим сыном.

– Они дружили?

– Нет. Скорее соперничали. Но это было хорошее, здоровое соперничество. Это касалось только учебы и побед в олимпиадах. Никому не виделось в этом ничего опасного. Мне в том числе и...

– Как учился Павел Игумнов? – перебил он ее.

Все это он уже слышал. Она повторила не единожды за минувшие два часа.

– Павел? – Анна Ивановна наморщила совершенно гладкий, без единой морщинки лоб. – Павел учился из рук вон плохо. Вел себя отвратительно. Дерзил учителям. Прогуливал. Когда я познакомилась с его девушкой Варварой, я очень удивилась ее выбору.

– А когда вы познакомились?

– Позавчера. В субботу поздним вечером. – Анна Ивановна обессиленно облокотилась о спинку стула, облизала пересохшие губы. – Не могли бы вы мне предложить воды?

Мог! Целый графин стоял на подоконнике. Целый графин чистой, как слеза, теплой до противного воды. Ему самому хотелось воды, но только не такой. А ледяной, с пузырьками газа, чтобы сводило гланды от холода и пощипывало в горле. А не было!

Он выбрался с места, шагнул к подоконнику. Налил ей стакан воды. Училка выпила, не поморщившись, не заметив, что вода теплая и противная. Глубоко подышала, готовясь к новому словесному марафону.

– Кто она – эта Варвара? Как фамилия? Как выглядит? Чем занимается?

– Варвара? Я видела ее впервые. Не учила ее никогда. – Анна Ивановна порылась в сумочке, достала визитку. – Вот что она мне вручила, попросив звонить, если мне что-то ста-

нет известно.

– Вам?

– Ну да.

– А почему вам? Почему бы ей самой не беспокоиться судьбой ее парня? Почему она побежала к вам? Как узнала адрес? Как-то... Как-то не очень все звучит, не находите, Анна Ивановна?

– Не нахожу! – отрезала она нелюбезно и с грохотом поставила на его стол пустой стакан. – Всему есть логичное объяснение.

– Желаю выслушать.

Он отложил авторучку, отодвинул лист с записями в сторону, поверх положил визитку Варвары Карновой, работающей массажисткой в салоне в центре города. Во всяком случае, визитка сообщала именно об этом.

– Тем вечером они там, как всегда... – она вдруг покраснела. – Ну... Занимались интимом в машине. Оттого и место такое выбрали пустынное. Они, с ее слов, там всегда этим занимались.

Больше-то негде! Он чуть не фыркнул.

– Потом Павел вышел на улицу. Она – тоже. Подышать.

Ей было неловко все это передавать, он видел и понимал. Но помогать ей не спешил. Вся ее история казалась чудовищным вымыслом.

– И вдруг подъехала машина. Из нее вышли трое. Ее оттолкнули. Павла погрузили в машину и увезли. Она даже не

смогла ничего сделать.

– Вызвать полицию не пыталась?

– Так вызвала! Приехал наряд. Посмотрели. Посмеялись. Предложили ее подвезти. Машина была Павла, водить ее она не имеет права. Она согласилась. В отделение, возле которого ее высадили, не пошла. Ей посоветовали этого не делать те, кто приезжал на вызов. Сказали, что ей выйдет дороже. Тут она вспомнила обо мне.

– Как-то вдруг? – сморщился он скептически.

– Нет, не вдруг. Мой дом по соседству с отделением, порог которого она так и не решилась переступить. С ее слов, Павел много рассказывал ей обо мне и о моей трагедии. О том, что его одноклассник – Сугробов – был в числе подозреваемых, но так и не дошел до суда. Он даже ей мои окна показывал, когда они проезжали мимо. Она об этом вспомнила и решила прийти ко мне за помощью.

– И чем же вы могли бы ей помочь? Советом?

– Хотя бы.

– И что вы ей посоветовали?

– Я посоветовала ей дожждаться утра. Связаться с Павлом. Если не получится, связаться с его родственниками. Если он не объявится в течение двух-трех дней, то написать все же заявление в полицию. Тем более что она запомнила лица парней. Сняла на видео тот момент, когда машина, в которой увозили Павла, отъезжает.

– Вы видели это видео?

– Да, она мне его показала.

– Вы не делали копию?

– Мой телефон... – она застыдилась, опустила голову. –

Он старый. Он не поддерживает все эти новшества. Но она оставила мне копию на флешкарте. И... И тоже пропала.

– Кто?! – Он чуть не выругался. – Кто пропал на этот раз?!

– Варвара. Я пыталась вчера с ней связаться. Даже ездила в салон, который указан на визитке. Там сказали, что она не вышла на работу. Телефон отключен. Где она живет, никто не знает. Вот.

И она замолчала, сложив изящные руки на коленях, обтянутых льняной тканью широких брюк.

– Что – вот?

– Это вся моя история, товарищ капитан. Спасибо, что выслушали.

Глава 2

– Ты не проводишь меня?

Тяжело дыша, он чуть приподнял веки, попытался сфокусировать взгляд на лице молодой жены. Лицо расплывалось, казалось просто пятном. Загорелым пятном с пятном ярко-розового цвета в области рта и двумя черными точками в области глаз. Кажется, вчера он перебрал, опустошая собственный бар.

– Глеб! – Супруга повысила голос до непотребных октав. – Встань наконец!

Он вытянулся под простыней, поднял руки, потянулся с хрустом. Неуверенно присел на кровати, часто-часто поморгал. Зрение возвращалось. Сердце успокаивалось, дыхание выравнивалось.

– Что? – произнес он с хрипом.

– Ты не проводишь меня? – повторила она, вставая в позу – рука на талии, колено согнуто, зад оттопырен.

– Дверь там, – он осторожно мотнул головой в сторону дверного проема. – Не найдешь?

– Ну, Глеб! – заныла она, роняя руку и выпрямляя колено. – Ты как ведешь себя? Особенно в последнее время?

– Как? – Он наморщил лоб. – Напомни.

– Ты не обращаешь на меня внимания, пьешь. Все время где-то, но не со мной. Ты скверно себя ведешь! – подытожила

она.

– Так? Так ты это видишь?

Так часто затапливаемое в последнее время алкоголем глухое раздражение полезло изо всех щелей. В висках застучало: «Ненавижу».

– А то, что я работаю по двадцать часов в сутки, пытаюсь строить политическую карьеру, это ничего? То, что устаю, изнемогаю от необходимости притворяться, улыбаться людям, которых презираю? Это ты в расчет не берешь?

Его рука нашарила подушку, вцепилась в нее и тут же совершила сильный бросок. Подушка попала жене прямо в голову. Она не ожидала и на минуту застыла с распахнутым ртом, переводя взгляд с подушки у своих ног на него – снова распластавшегося на постели.

– Ты – урод! – выдохнула она наконец и сделала попытку всхлипнуть.

Реветь не станет. Он знал. Ее не очень симпатичное лицо требовало по утрам усилий. Он засекал. Сорок минут его молодая жена наносила макияж. Он ложился пластами, вмазывался, вхлопывался, впитывался. Потом тонировался. Твою мать! Разбитую машину проще подшпаклевать, чем ее физиономию. И ведь каждый день так. Как не устала?

– Я – урод? – со смешком уточнил он.

И выразительно оглядел ее лицо: от уха до уха, ото лба до подбородка. Супруга поняла и прикусила губу. Ее глубоко посаженные глаза сузились.

– Ты на что это намекаешь, скотина?! Ты... Ты забыл, как мой отец помог тебе...

– Мой отец не стоял в стороне, – перебил он ее ленивым голосом. – Влияния обоих хватало.

– Но без моего твой бы...

– Заткнись, Лена, – попросил он вполне миролюбиво. – Ни к чему сейчас тягаться влиянием. Тем более что наши предки давно уже не у власти.

– Да, но...

– Заткнись, – снова попросил, а не приказал он. – У меня голова болит.

– Пить надо меньше, – буркнула она.

Подняла подушку с пола и положила ее на край кровати.

– И не забывай, что, уходя с поста, мой папенька прихватил целое состояние. И благополучно его приумножил. А твой... Твой едва в тюрьму не сел. Спасибо моему – отмазал.

– Да заткнись же ты наконец! – заорал он и запустил в нее еще одной подушкой. – И вали уже отсюда! Из моего дома! Вали!

В этот раз полет закончился менее удачно. Лена стояла ближе. Бросок был сильнее. Пуговица попала в переносицу и покорябала ее. Жена заверещала оглушительно и выскочила вон из спальни.

Теперь примется звонить отцу, догадался он тут же. Станет жаловаться и проситься на волю. Тот, разумеется, будет запрещать. Глеб судорожно вздохнул и крепко зажмурил

глаза.

Если бы не тесть, они бы с Ленкой давно разбежались. Да что там! Они бы и не поженились никогда. Она ему даже не нравилась ни грамма. Но у отца сложилась неприятная ситуация. Отцу Ленки пришлось вмешаться и помочь. Ну а Глеб был вынужден соблюсти приличия и взять в жены его страшенькую дочь. Он был оповещен о слухах, что Ленка с пятнадцати лет жила с каким-то вонючим байкером. И даже вроде сделала от него аборт. И будто даже накануне их свадьбы.

Ему было плевать. И на слухи, и на Ленку. Надо было для дела и вольной для отца сходить с ней в загс, он так и сделал. Потом тесть пристал с выборами. Уговорами, обещаниями заставил его выдвинуть свою кандидатуру. Глеб послушался.

И не знал тогда, какому дьяволу отписал свою душу.

Он снова сел на кровати, свесил с нее ноги, нашарил подошвами толстый ворс ковра и осторожно встал. Тошнило. И перед глазами снова все поплыло. Ему бы позавтракать. Может, и полегчало бы.

– Лида! – громко крикнул он, медленно спускаясь по лестнице на первый этаж. – Лида, где ты?

Лиду – их семейную домработницу – ему даровал его отец на свадьбу. Как крепостную, честное слово!

– Лучше нее никто твоих аппетитов и пристрастий не знает, – подмигивал ему отец на свадьбе.

Это он намекал на тот единственный сексуальный опыт,

который Глеб получил с ней, еще будучи пятнадцатилетним подростком. Он тогда даже не смутился. Он знал: Лида всю информацию сливала отцу. Всю! Подозревал даже, что Лида соблазнила его подростком по указанию отца.

– Лида! – заорал Глеб уже в полный голос, встав посреди огромной кухни-столовой. – Где ты, черт тебя побери!

– Глеб Сергеевич, – мягким голосом отозвалась его домработница откуда-то из-за спины. – Вы меня звали?

Он резко обернулся. Уставился на нее.

Высокая, стройная. В тщательно выглаженном форменном платье цвета сливы, прикрывающем ее совершенные колени. Белоснежный передник. Накрахмаленный кружевной кокошник на голове, под который ее пышные волосы были убраны так тщательно, что иногда Лида казалась лысой. Домашние туфли на мягкой подошве, позволяющие ей передвигаться совершенно бесшумно. Красивое бледное лицо, высокие скулы, тонкогубый рот, холодные голубые глаза. Они никогда не меняли выражения. Всегда смотрели на него внимательно, с почтением. Он не мог понять, что у нее на уме. Никогда! Даже в тот памятный день, когда она застучала его за непотребным в кровати и предложила помочь.

– Что-то случилось, Глеб Сергеевич? – спросила Лида, осторожной поступью передвигаясь к рабочей кухонной зоне. – Вы так кричали.

– Да, случилось, – буркнул он, рассматривая ее бедра, стиснутые узким платьем цвета сливы. – Завтракать желаю.

Он произнес это как барин – надменный и избалованный. Захотелось вдруг ее задеть, разозлить, вывести из ее привычного равновесия. Но не вышло.

– Что изволите? – спросила она, ловко орудуя ножом и не поворачиваясь. – Холодная телятина, овсянка, омлет, запеканка, фруктовый салат.

Глеб погладил себя по животу, там урчало и ныло.

– Давай кашу, – полез он за стол со вздохом. – И яйца. И кофе.

– Слушаюсь, – произнесла она, повернувшись.

И он неожиданно поймал бесовский блеск в ее голубых глазах и озорную улыбку, чуть дернувшую ее губы. И это ему так понравилось, что он рассмеялся.

– А я Ленку выгнал, – признался он с улыбкой, хватая ложку и погружая ее в тарелку с овсянкой.

– Что так? – спросила она тихо и отошла к кофейной машине.

– Достала. Мелькает перед глазами. Страшная.

Ему показалось, или она хихикнула? Настроение полезло вверх. И каша была вкусной. Только Лида могла так готовить, больше никто.

– И как теперь?

Она говорила так тихо, что он ее едва слышал из-за фырканья кофейной машины.

– А что теперь? Ничего. Пусть у папаши поживет. – Он доел кашу, взялся за омлет, жестами подгоняя Лиду с ко-

фе. – Если он хочет, чтобы я и дальше играл по его правилам, пусть приструнит свою дочь. И придержит пока при себе.

– Он об этом знает?

– Пока нет. Но я ему позвоню. И попрошу не мешать мне выдвигаться, – последнее слово он произнес как ругательство. – И так навалилось...

Лида зашла с левого бока и, чуть присев, поставила перед ним большую порцию некрепкого кофе с сахаром. Она всё знала о его вкусах и привычках.

– Пока вы спали, Глеб Сергеевич, вам несколько раз звонил ваш помощник, – доложила она почти шепотом. – Юрий.

– Я знаю, как зовут моего помощника, Лида. – Глеб недовольно поморщился. – Что он хотел?

– Утверждал, что что-то срочное.

Она отошла на пару шагов и встала за его спиной. Глеб мог поклясться, что руки она держит скрещенными за спиной. Такая у нее была привычка. Он замер с кофейной чашкой в руке.

– Что случилось? Говори, Лида!

Юру, как и Лиду, отец «подарил» ему на свадьбу, уверяя, что лучше и вернее помощника он не найдет. Новички часто подводят. Перебегают к конкурентам, продаются. Юра не такой. Лида – тоже.

Глеб не стал возражать. Да если бы и стал, это ничего бы не поменяло. Юра, как и Лида, держал отца в курсе всего, что происходило в жизни сына.

– Не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки, – пояснил он как-то, когда Глебу окончательно надоело такое вот стукачество за его спиной и он пригрозил, что выгонит из своего дома обоих. – И чтобы потом был по гроб жизни благодарен какому-нибудь пауку, типа твоего тестя.

Объяснением Глеб удовлетворился. Сдался. И больше не роптал.

– Так что за срочность? Где он сейчас?

– Он у вашего отца. Поехал, не дождавись вашего пробуждения.

– И?

Глеб повернулся, глянул на нее. И неожиданно подумал, что ей с ее выдержкой, стальными нервами и скрытой жестокостью запросто можно было служить в каком-нибудь концентрационном лагере. У нее бы вышло. Она бы смогла.

– Они нашли его, – произнесла она безо всякого выражения.

– Кого его? Кого нашли? Кто они?

Он нервно дернул шеей, пролил кофе на белоснежную скатерть, уловил ее недовольство и нарочно пролил еще. Отстирает.

– Сугробова. Его нашла полиция.

– Да ладно!

Он с грохотом отставил чашку с кофе, не до этого сейчас. Вскочил с места и заходил по огромной кухне, в которой запросто можно было поставить ворота для мини-футбола.

– Живой? – остановился он напротив Лиды, задавая вопрос, от которого тут же стало нехорошо в желудке.

– Нет.

– Мертвый? – притворно ахнул Глеб, прижимая руку ко рту.

– Мертвее не бывает. Уже три месяца.

– То есть ты хочешь сказать, что Сугроб умер сразу же, как он...

– Устроил публичный скандал в ресторане на виду у полутора десятка свидетелей, – подхватила Лида. – Обвиняя вас в чем-то, о чем так и не стал говорить. Но скандал запомнился и даже поблуждал в Сети, пока усилиями вашего отца и тестя его оттуда не убрали.

– Твою мать... – Глеб покусал губы, на ватных ногах дошел до стола и снова опустился на стул.

– Да, и он не умер. Его убили.

Глеб дернулся всем телом и невольно прикусил язык. И застонал, прикрывая рот руками. От вкуса крови его затошнило.

– Как?.. Как он погиб?

– Он был задушен шарфом. Собственным шарфом. И зарыт в лесополосе. В начале весны.

Лида отвечала механическим бесчувственным голосом. И от этого ему было еще хуже.

– Как же его нашли, если он был зарыт?

– Был зарыт неглубоко. Видимо, когда было совершено

убийство, земля местами была еще мерзлой. Потом было много дождей. Размыло. Сейчас жара. Отсюда выводы.

– Кто нашел?

– Грибники. Мужчина и женщина. Супруги. У них была собака. Она и нашла.

Лида замолчала. Глеб не знал, что говорить, о чем еще спрашивать. Все было плохо. Очень-очень плохо. И во рту солоно от крови. Он схватил чашку с остывшим кофе, залпом выпил до дна. Стало чуть лучше.

– Кто его опознал?

– Бывшая жена, сестра. При нем были документы. Водительское удостоверение. Пропуск на фирму, откуда его выгнали почти год назад. – Лида сдержанно вздохнула. – Глеб Сергеевич, Юра просил вас вспомнить в деталях события того памятного вечера. Где, с кем вы были. Нужно алиби. Нужно стопроцентное алиби, сказал Юра. Он уже связался с адвокатом, работавшим прежде на вашего отца. Они уже составили план действий. Набросали что-то для прессы. И...

– Лида, заткнись, – попросил он жалобно. – Ты о чем сейчас вообще?! О каком алиби?! Я не убивал его! Мне-то это зачем?! Ну, нажрался он пьяный, наткнулся на меня в кабаке, пристал. И что? Ко мне не он один пристаёт. Что же мне, всех валить!

– Да. Вы правы, – она согласно опустила голову. – Вполне возможно, полиция даже не вспомнит об этом ролике в Интернете. Вполне возможно, его смерть никак не свяжут с

вашей предвыборной кампанией, и все заверения Скомороховой, что вы...

– Что?! Кого?! Скомороховой?!

Он вскочил на ноги и зашатался. Стены расползлись в разные стороны, образуя брешь размером с космическую черную дыру. Она засасывала его! Затягивала, лишала сил сопротивляться.

– Что ей-то надо?! Что ей опять надо?! Эта гребаная училка! – Согнувшись пополам и опершись локтями о стол, он почти рыдал. – Сколько крови она выпила! Сколько нервов измотала моей семье! Что ей опять надо?! Что она хочет?! Денег?!

– Она жаждет возмездия. Она уже дала интервью одному из интернет-каналов, в котором обвиняет Сугрובה в исчезновении своего сына. Ваше имя, Глеб Сергеевич, пока не звучало. Но Юра опасается...

– Что это начало скверной истории, – простонал Глеб, зажмуриваясь. – Начало очередной скверной истории. И крест... Огромный крест на моей политической карьере. Так?

– Приблизительно.

– Это все?

– Почти.

– А еще-то что?

– Несколько дней назад при загадочных обстоятельствах исчез бывший одноклассник Сугрובה. Фамилию Юра

уточняет. Будто бы существует видео, на котором видно номера машины, которая увозит этого парня.

– И что дальше?

– Это номера вашей машины, Глеб Сергеевич.

Его стошнило прямо на скатерть. Он начал заваливаться на спину. И прежде чем погрузиться в глубокий обморок, успел подумать, что пятна кофе теперь и отстирывать не придется. Все это надлежит выбросить. Выбросить навсегда.

Глава 3

Он редко вставал по будильнику. Иногда просыпался раньше. И выключал его непослушными сонными руками. Иногда не слышал его вовсе. И будить его приходилось девушке, с которой он состоял в отношениях уже два с половиной года.

Ирина шлепала его по задку, толкала ногами его острые колени, бурчала каждые десять минут, что она сейчас отключится, и он тогда точно проспит и опоздает на службу. И его начальник – стареющий ловелас Владимир Павлович Новиков – не упустит случая доложить начальству о его проступке. О его очередном проступке.

Виталик выбирался из кровати, которую делил с Ириной уже два с половиной года, на самой критичной временной отметке. Когда уже тщательно побриться не было никакой возможности. Когда о завтраке следовало забыть. И когда о том, чтобы добраться на работу на своей машине, можно было только мечтать.

Он нырял в метро, которое ненавидел с раннего детства. Обливался потом от тайных страхов. Зажмуривался, когда вагон проносился в темноте. Тогда же и глубоко с присвистом дышал. И как только толпа выносила его на улицу, тут же лез за телефоном и звонил матери.

– Ты снова ехал на метро, – догадывалась она. – Виталик,

пора забыть о том трагическом случае. Это давно в прошлом.

А он не мог. Он все еще помнил тот день, когда на его глазах молодая женщина прыгнула под поезд. Он был тогда ребенком. И визг тормозов слышал. И страшные крики. И видел кровь, забрызгавшую рельсы и стены.

Брр...

– Я знаю. Я справлюсь, – отвечал он ей. – Как вообще у тебя дела, мам?

И его мама – самая умная, самая проницательная женщина на свете – принималась плести сладкую словесную паутину, пытаясь его отвлечь. Пыталась заговорить его проблемами соседки тети Нины, у которой заболел любимый кот. Пыталась переложить на его сильные мужские плечи заботу о собственных петуньях, буйно цветущих на балконе. Она же не может каждую неделю приезжать с дачи, чтобы их поливать.

Мамина пустая благодатная болтовня благополучно доводила его до шлагбаума отдела полиции, в котором он нес свою службу. Мама брала с него обещания, прекрасно зная, что он не станет поливать ее цветы на балконе и точно не станет искать в Интернете самого лучшего ветеринара для кота ее соседки. Но он все равно обещал, хотя тут же забывал о ее казавшихся ему пустых просьбах.

– Виталик, вставай. – Иркины ноги вытянулись, пытаясь добраться до его коленей. – Проспишь.

– Эй, я уже...

Виталик присел на край кровати уже гладко выбритым и одетым. Пощекотал ей пятку.

– Ух ты! – Ира резко подскочила, уставилась на него сонными глазами. – Как это тебе удалось? Мы же до часа ночи фильм смотрели.

– Дело у меня важное намечается, Ирка.

– Какое дело?

– Очень-очень важное дело. Если все у меня получится, то точно получу повышение. И возможно, перейду из дознавателей в следователи.

– Ох, я-то думала, – она уронила себя на подушки, широко зевнула. – В прошлый раз было точно такое же дело. Потом у тебя его забрали. Благополучно возбудили, довели до суда и получили звезды. А ты – снова в тени.

– Сейчас – все по-другому, – проговорил Виталий неуверенно.

– Как по-другому?

– Сейчас этим никто не хочет заниматься. Все отмахиваются. Отбрыкиваются.

– А-а, значит, фигня, а не дело.

– Ничего не фигня, – он даже обиделся. – Если бы ты знала подробности...

– Давай не сейчас, а?

Ее глаза плотно сомкнулись. Через минуту ее ровное дыхание оповестило, что она снова спит.

Ирка не работала. Сейчас не работала. Два месяца назад

ее уволил хозяин фирмы, где она трудилась юридическим консультантом. Уволил за то, что она отказалась обходить закон. Он рассмеялся ей в лицо и вышвырнул за ворота без выходного пособия и рекомендаций. Сейчас она находилась в поисках работы. Но пока безрезультатно.

Виталик поправил на ней одеяло и вышел из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. Узким коридором прошел в кухню – вымыть посуду после завтрака. Через десять минут он выезжал со двора, привычно полюбовавшись старыми липами и огромными клумбами.

В этой «сталинке» они когда-то жили все вместе: он, мама, отец, бабушка. Потом отец умер, следом бабушка. А мама, решив, что ей слишком тяжело здесь от воспоминаний, съехала в квартиру, доставшуюся ей в наследство от двоюродной сестры. Так Виталик остался один в квартире площадью более ста двадцати квадратных метров, с прекрасным видом из всех окон, чистеньким зеленым двором, благоустроенной просторной автопарковкой. И что немаловажно – с охраной. Поскольку дом располагался почти в центре.

– Ты завидный жених, – выдала Ирина, исследуя комнаты в его квартире через неделю после знакомства. – Такая жилплощадь сейчас кучу денег стоит.

– Я не собираюсь ее продавать, – предупредил он сразу. – Разменивать тоже.

– Понятно... – пробормотала она и исчезла почти на месяц.

А через месяц явилась с вещами и попросилась пожить немного.

— У меня проблемы, — коротко оповестила она, не вдаваясь в подробности. — Я ненадолго. Не стесню.

Через пару дней она перебралась из комнаты бабушки в его спальню, заняв левую половину кровати. И пребывает там вот уже два с половиной года.

Любили ли они друг друга? Да кто же его знает! О чувствах не говорили, не было принято. Но заботились друг о друге. Переживали, когда кто-то задерживался. Бежали навстречу из подъезда с зонтом, если шел дождь, а зонта либо у него, либо у Ирины с собой не было. Оставляли в холодильнике последний сладкий кусочек, не сжедая. Говорили не много, по существу, но делами друг друга интересовались.

Виталик не знал, что их связывает. Не мог обозначить одним словом чувства, которые к ней испытывал. Ирка, кажется, тоже. Однажды они отдыхали у друзей за городом, и кто-то, понаблюдав за ними, пристал с вопросами:

— Как так? Вы же почти не разговариваете! Что вас вообще связывает? Как же можно так жить? Как вы живете?

Ирка подергала худенькими плечиками и, приобняв Виталика за талию, ответила за двоих:

— Необременительно.

Именно так, да! Они не обременяли друг друга, не путались под ногами, дарили заботу, не требуя ее взамен. Как-то все само собой. И все это как-то уже затянулось. И он уже

без этого вообще не мог. Без Ирки не мог. Без ее смеха, дыхания слева от него. И пусть так все и остается, решил он, выезжая за шлагбаум. Пусть все будет так...

Он не опоздал сегодня. Даже на десять минут раньше явился. Но все равно наткнулся на недовольное лицо Новикова.

– Зайди ко мне, Князев, – приказал он, столкнувшись с Виталиком в коридоре. – Есть разговор.

Виталик закинул в кабинет портфель – дорогой, кожаный – подарок Ирки на прошлый день рождения. Мысленно поплевал трижды через левое плечо. Тут же обругал себя за странное суеверие и пошел к Новикову.

Тот сидел за столом, уткнувшись в бумаги. Князеву пришлось дважды кашлянуть, чтобы ему предложено было присесть.

– Докладывай, – приказал Новиков противным скрипучим голосом. – И по существу.

– Так точно, товарищ майор.

Виталик наморщил лоб, не особо понимая, о чем именно он должен доложить. У него в производстве было десятка два заявлений от потерпевших. По двум из них уже намереваются возбудить уголовные дела. Остальные – так, пока лежат в папке. Оснований для возбуждений нет. Так считает Новиков. Он ведь ему пару дней назад уже докладывал. Что начальник сегодня с утра заведен? Не из-за визита ли Скомороховой Анны Ивановны?

Так от нее даже заявления не было. Они просто беседовали. Долго беседовали. Он не составил протокола. Просто сделал записи кое-какие. Для себя. Он даже не мог отказать ей в возбуждении уголовного дела, потому что дела-то никакого не было. Одни слова. Одни ее подозрения. И предположения.

Его зацепило – да. Но и только. Да, да, он собирался кое-что разузнать, но это так, в частном порядке. Для себя.

О чем докладывать-то?!

– Ну, старший лейтенант, чего молчишь?

Новиков рывком толкнул от себя стопку документов и тут же принялся выравнивать сдвинувшиеся края.

– Товарищ майор? – Виталик в очередной раз кашлянул. – О чем докладывать? Я пару дней назад уже...

– Почему я ничего не услышал от тебя о визите Скомороховой? – Новиков, хотя и тихо, но отчетливо выругался. – Почему я узнаю о ее визите от дежурного, старлей?

– Товарищ майор, я не думал, что ее визит так важен. Она даже заявления никакого не оставила. С ее же собственных слов, на нее здесь уже давно никто не обращает внимания. И пришла она скорее не за помощью, а поделиться информацией.

Он говорил очень быстро, как казалось ему, складно, но физиономия Новикова оставалась недовольной.

– Это все? – задал он вопрос все тем же неприятным голосом.

– Так точно.

– Что-то предпринято тобой по существу?

– Никак нет.

– Ты не попытался найти эту девушку, которая оставила ей визитку? Не съездил на адрес к Скомороховой, чтобы изъять флешкарту, которую ей оставила девушка якобы похищенного, как там его?

– Павла Игумнова.

– Игумнова. Да. Съездил?

– Никак нет. Заявлений об исчезновении Игумнова не поступало. Я счел, что Скоморохова все это выдумала.

Виталик рассеянно глянул на окно. Признаваться в том, что собирался навестить пожилую училку, а потом попытаться разыскать и девушку Варвару, он не собирался. Пока что его объяснения не противоречили его должностным обязанностям. Новикову особенно придраться было не к чему. И то физиономию морщит. А если признаться? Начнет ныть, что Князеву дел мало, что он так распыляется. Так он его нагрузит, он его...

Было, проходили.

– Выдумала! – фыркнул Новиков и неожиданно обхватил голову руками. И пробубнил: – Я ведь из-за этой Скомороховой в свое время хорошей должности лишился, старлей. Четырнадцать лет назад выезжал на место предполагаемого убийства ее сына. Она нам его указала. Будто и свидетели были, что мальчишка там громко звал на помощь. Мы с колле-

гами подорвались как ненормальные. Все перерыли – никаких следов. Принялись опрашивать свидетелей – пусто. Никто ничего не слышал. Переключились на подозреваемых, и тут такое началось!

Он запнулся, сморщился, глядя в одну точку. Воспоминания того времени до сих пор были для него болезненны. Они много работали, мало спали, почти не жрали и не видели семей. Шутка ли – подросток пропал! Подключились все, включая волонтеров и спасателей. Работали на совесть. Переживали. И в итоге получили по выговору. Но это было еще хорошо! Их начальника просто уволили, не дав возможности объясниться.

– И все из-за этой Скомороховой. Она, как пиявка, присосалась. Ходила каждый день. Строчила жалобы. Подсовывала какие-то фотографии. Приводила детей из класса ее сына, которые будто что-то знали, или слышали, или видели. Все оказалось пустым выхлопом. Ничего!

– Мальчика так и не нашли, – кивнул Виталик. – Она сказала.

– Я знаю. И до сих пор не верю, слышишь, что это дело рук пацанов! Наверняка утонул. Он почти не плавал, еле держался на воде.

Новиков еле поднял себя со стула и, поморщившись, заходил по кабинету. После вчерашнего посещения спортзала у него ломило все тело. Даже дышать было трудно, казалось, ребра сейчас лопнут. Перестарался, идиот.

Тренер – молодой парень с потрясающей мускулатурой – пытался остановить его, уверяя, что для его возраста нагрузки многовато. Но он не сдавался. Рядом с ним, виртуозно виляя бедрами, шагала по беговой дорожке молодая женщина. До того момента, как тренер подошел и опустил его в ее глазах, Новиков даже успел с ней познакомиться и перекинуться парой слов. Тренера он высокомерно погнал прочь. Разговор с дамой продолжил. Нагрузку увеличил. Результат – еле сполз с кровати утром. Единственным утешением был номерок телефона симпатичной брюнетки, который она ему вручила, когда он вчера вечером провожал ее до машины.

– У вас были подозреваемые, товарищ майор?

– Были. Но все... – он неопределенно повел руками, вздевая взгляд в потолок. – У всех оказалось алиби. Доказательств никаких.

– А главными подозреваемыми были одноклассники? Со слов Скомороховой?

Новиков покосился на него недобро и нехотя кивнул.

– Да. Один его одноклассник – сынок тогдашнего мэра – Ильин Глеб. И его приятель, двумя годами старше. Некто Сугробов Александр.

– С него она и начала, когда пришла ко мне, товарищ майор.

Виталий незаметно отлепил от живота ткань рубашки, сделавшейся мокрой от пота. В кабинете начальника была такая же духота. А только начало дня. Что будет, когда время

перевалит за полдень? Сгореть же можно на работе. В прямом, не в переносном смысле.

– Да? – рассеянно отозвался Новиков и неуверенной походкой вернулся на место.

– Сказала, что он пропал три месяца назад. Никто его не искал. Никому он не был нужен. Он измучил сестру. Бывшая жена устала от его пьяных визитов. И они наверняка перекрестились, когда он вдруг пропал. А теперь пропал еще один его одноклассник. И это ей показалось весьма подозрительным. И она даже высказала предположение. Весьма смелое.

– Да? И какое же?

Новиков повернулся на него всем туловищем, потому что шея не слушалась. В нее словно огненный прут вогнали.

– Что это Ильин зачищается накануне выборов.

– Что?! – Майор хотел вскочить с места, но не вышло, и он откинулся с глухим стоном на спинку рабочего кресла. – Вот старая сука! Все никак не угомонится! Ходит и ходит сюда, как на работу. Ладно... Ты вот что, старлей, по-тихому смотайся к ней, заberi флешкарту. Никаких понятых. Никаких свидетелей твоего с ней разговора быть не должно.

– А девушку Игумнова тоже навестить?

– Навести. Если отыщешь, – он неуверенно хмыкнул. – Сдается мне, что девка слилась по-тихому, почуяв, какие влиятельные люди стоят за похищением ее парня. Если вообще это похищение было, а его не выдумала старая ведьма.

Все, поезжай.

Скомороховой Виталий позвонил уже из машины и договорился о встрече. Она будто даже обрадовалась. И сообщила, что дома, не на работе. И всегда рада его видеть. Оставалось заехать домой и забрать записи их разговора. Он не оставил бумаги в кабинете, опасаясь, что они попадут на глаза посторонним. Собирался частным порядком вести это дело, значит, и записям на служебном столе делать нечего.

– Ирина, ты дома? – громко крикнул он, заходя в квартиру.

Она точно была дома, он слышал шум льющейся воды в кухне. Но крикнуть был обязан, таков у них был порядок. Однажды, еще в самом начале, он тихо вошел и перепугал ее до смерти. Она даже расплакалась.

– Дома! – ответила она из кухни. – Завтракать собралась. Будешь со мной?

– Да я ел вроде, – проговорил он, с нежной улыбкой входя в кухню.

– Ты ел яичницу, а у меня сырники, – ответила она рассеянно.

Ирка сидела за столом, подобрав под себя ноги, и листала бумаги. Его бумаги. Записи его разговора со Скомороховой.

– Ты что делаешь? – делано возмутился он и протянул руку. – А ну отдай! Это тайна следствия. Эй!

– Сейчас, сейчас, погоди, – она дочитала до последней строчки, протянула ему бумаги и со странной интонацией

проговорила: — Как интересно.

— Что именно? — Он уже сворачивал бумаги в трубочку.

— Все!

Ирка соскочила со стула. Закрыла кран. И подлетела к плите, где в сковородке скворчало масло. Накидала замороженных шариков, чуть придавила сверху деревянной лопаткой. Повернулась к нему.

— Расскажи, а?

— Что рассказать?

Виталик неуверенно переступал с ноги на ногу. Он хоть и торопился, но сырники любил. И от Ирки уходить не хотелось. Особенно, когда она такая вот: со сна, растрепанная, в коротких беленьких шортиках, тесной маечке с кружевом, с блестящими от азарта глазищами. Смотрел бы и смотрел, глаз не отводил.

— Что рассказать? — переспросил он, решив, что пятнадцать минут ничего не решат. Он и сырников поест, и с Ирой поболтает.

— Все! — Она снова прыгнула на стул, подобрав под себя ноги. — Что за история с пропавшим четырнадцать лет назад мальчишкой? При чем тут Ильин?

— Ты знаешь Ильина?

— Ильина-младшего? Да, знаю. А кто его не знает?

— Откуда? — удивился он.

— Так его физиономия в нашем районе со всех предвыборных плакатов на нас тарашится. Ты чего, Виталик? — Ее

глаза широко открылись. – Он рвется во власть, подталкиваемый своим влиятельным тестем. СМИ утверждают, что шансы его велики. Но его оппонент тоже очень серьезный мужик. И по слухам, там ведется какая-то очень серьезная возня. Серьезная! Грязная! Это так...

– Что?

– Это так интересно! Расскажи, а?

– Давай вечером, Ириш. Сейчас не до этого. Сырники не сгорят?

Она спохватилась, засуетилась. Стремительно накрыла на стол. Поставила кофейник на плиту. Они быстро смели с десяток сырников, запивая их горячим черным кофе. К теме Ильина больше не возвращались. Ириша была умницей. Сказано до вечера, значит, до вечера.

К Скомороховой Анне Ивановне он опоздал. И не на пятнадцать минут, как предполагал, а почти на час. И дома ее не застал. Сколько он ни звонил, дверь она не открыла.

– Так вы кто ей? – подозрительно прищурилась женщина из соседней квартиры.

– Ей – никто. Я дознаватель. Из полиции. – Виталик достал удостоверение, показал. – Мы условились о встрече. Я немного опоздал.

– Немного? – фыркнула женщина. – Так вы час назад должны были приехать. Она говорила мне.

– Задержался.

– Пока вы задерживались, с ней случилось происше-

ствие, – сердито отозвалась женщина, втыкая кулаки в бока. – И Аннушку увезли в больницу.

– Происшествие? Какое происшествие? Какая больница?! – Съеденные сырники вздулись огромным комом в желудке. Его замутило. – Объясните толком, что произошло?!

– Аннушка пошла на улицу. Вас встречать. Говорит, дома дышать нечем. Посижу на лавочке, подожду старшего лейтенанта Князева. Не прошло и десяти минут, как на лестничной клетке раздался крик. И Аннушка вверх по лестнице, голубушка, поднимается, за голову держится. Лицо в крови. Говорит, хулиганы напали, сумку украли, по лицу ударили. Я говорю, давай полицию вызовем. Нет, говорит, не надо. Лучше «Скорую». Я вызвала, как она велела. И словом не обмолвилась о том, что было. Упала и упала сама. Оступилась. Да я и не видела, если честно, что там случилось-то, на улице.

Взгляд, которым соседка наградила дверь соседней квартиры, Виталику не понравился. И ее поджатые губы тоже.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего, мне то что! – Она начала отступать в квартиру, пытаясь прикрыть входную дверь. – Ударили, упала, я не видела ничего.

– Сомневаетесь... Сомневаетесь почему? – Он попридержал дверь.

– Да потому! Что после исчезновения сына она совсем свихнулась. Иногда такое несла, прости господи! Все, неко-

гда мне. У меня варенье на плите. В семнадцатую больницу ее отвезли. Там она.

Глава 4

– Зачем меня сюда привезли?!

Бывшая жена Сугрובה мелко дрожала всем телом, медля на пороге городского морга.

– Я не хочу туда идти снова! Я уже опознала его, вместе с его сестрой. Мы опознали его, зачем снова?! Я не могу!

Она сделала аккуратный шаг назад. Потом еще один и еще. Замотала головой и крепко вцепилась в спинку деревянной скамейки, влитой ножками в бетон со дня основания морга.

– Я не хочу больше смотреть на это! – выкрикнула Настя Сугрובה и всхлипнула. – Почему я?! Почему вы не привезли сюда его сестру?

– Она на работе.

Молодой оперативник Илья Громов смотрел на молодую симпатичную женщину со смесью жалости и раздражения. Ей было страшно снова входить в это мрачное здание. Противно снова смотреть на полуразложившееся тело бывшего мужа. И это было понятно. Но с него ведь требуют результаты. Его сегодня, как последнего щегла, общипало начальство на утреннем совещании.

– У тебя целая компания подозреваемых, Громов! Тех, кому погибший мешал жить. Ты чего, совсем хватку потерял? Или после последнего своего успеха решил подремать

на лаврах? Ты скажи, тебе в помощь людей отрядим, раз ты такой важный и занятый. Смирнов ничем не занят...

Работать со Смирновым Громов не хотел. Эта мелкая пакость уже несколько раз пыталась его подставить. Не удавалось, потому что у Громова интуиция была, будь здоров. И доверия к Смирнову никакого. А то давно бы уже погон лишился.

– Справлюсь, товарищ полковник, – уверенно пообещал Громов на утреннем совещании.

И как только оно закончилось, поехал по родственникам жертвы. Надо было додавить, надо было прижать этих баб к стенке. А где это лучше сделать? Правильно, там, где им хуже всего.

С сестрой не вышло. Та была на смене. Работала на режимном предприятии. Выдернуть ее оттуда было непросто. И Громов поехал за бывшей женой Сугрובה. Привез. А она заходить отказалась наотрез. Побледнела до синевы, трясется, того и гляди расплачется. И жалко, и истерики ее достали.

– Значит, помогать следствию отказываетесь, гражданка Сугрובה?

Громов свел брови и заиграл желваками, прекрасно зная, что вид у него при этом становился не сулящим никакого добра.

– Почему? Почему отказываюсь? Нет.

– Что нет?

Громов грубо оторвал ее руки от спинки деревянной ска-

мьи и легонько подтолкнул, усаживая. Она с облегчением вытянула ноги, скрестив их в щиколотках. Красивые ноги, длинные, отметил Громов. Только почему-то с синяками на икрах и коленях. И босоножки старенькие, на одной застёжка еле держится. Платье бесформенное какое-то, совершенно не красит ее. А она ведь молодая еще. Ей тридцати нет. Двадцать восемь лет, если точнее.

– Я не отказываюсь помогать следствию, Илья Иванович, – проговорила она.

Заметила его интерес к ее ногам и застеснялась. Подтянула ноги, накрыла ладонями колени.

– Только помочь не знаю чем. – Ее худенькие плечи нервно дернулись. – Я не видела его три с лишним месяца. И видеть не хотела. Он был... Он был чудовищем.

– Да? Странно. Его сестра другого мнения.

Громов не врал. Сестра Сугрובה Вера на все лады нахваливала покойника. И умница, и талантище, и отлично учился в школе, и карьеру непременно бы сделал, не случись в его жизни этой страшной женщины – его жены.

– Она же способна любого, любого уничтожить! – навзрыд рыдала Вера три дня назад в его кабинете. – Она... Эта гадина! Она его убила!

Эксперты никаких выводов пока не сделали относительно того, кем было совершено убийство. Если установят, что на момент смерти Сугробов был пьян, то убить его не составило бы труда даже женщине. Молодой и хрупкой.

– Его сестра уверяет, что Александр был умным, талантливым.

– Умным, талантливым, – покивала Настя. – Чудовищем!

– Как такое возможно?

– Он хорошо учился в школе. Потом куда-то поступил. Бросил. Снова поступил. Даже не знаю, окончил ли он что-то. Уверял в один голос с Веркой, что диплом есть о высшем образовании. Я лично не видела ничего такого. Не удивлюсь, если они мне просто ввали.

– Зачем?

– Ну... Для пущей важности. Для веса в моих глазах.

– А зачем им это?

– Не знаю. Чтобы на моем фоне он не казался полным ничтожеством. Я ведь три иностранных языка знаю, у меня кандидатская... – Настя печально улыбнулась. – Правда, так и не защитилась. Этот гад не давал никакой возможности. И прожили год всего! А отделаться потом еще три года не могла! Ужас какой-то. Ходил и ходил. Стучал и стучал в дверь. Подкарауливал во дворе. Я на улицу выйти боялась, честно! Прежде чем из дома выйти, звонила соседям. Тем, у кого окна во двор выходили. Стыдно...

– Может, он любил вас? И страдал? Потому и не оставлял вас в покое?

– Любил?! – Она сдвинула виски ладошками, убрав их с коленей. – Жилплощадь он мою любил, а не меня. Я профессорская внучка, если вы еще не осведомлены, от деда до-

сталась просторная квартира. Коллекция картин, библиотека, старинный фарфор. С этим Сугробову было жутко расставаться, а не со мной.

– Инициатором развода были вы?

– Да, – кивнула она. – Знаете, его природную леность и бахвальство еще можно было как-то терпеть. Я закрывала глаза, улыбалась, делала вид, что все хорошо, что я счастлива. Но когда из дома начали пропадать вещи деда... Предать память о нем я не смогла. Погнала этого иждивенца прочь. И началось... Три года кошмара! Врагу не пожелаю!

То есть у нее была объективная причина желать ему смерти. Она запросто смогла бы затянуть шарф на его шее, если Сугробов был смертельно пьян. Заманить за город, убить, вырыть неглубокую яму и не очень тщательно зарыть. Характер действий намекает на физическую слабость убийцы.

– Что вы на меня так смотрите? – отпрянула от него Настя, едва не упав со скамейки.

– Ничего. – Громов расслабил надбровья, чтобы не пугать ее. – Я просто пытаюсь разобраться.

– В чем?

– В том, кто и почему убил вашего бывшего мужа?

– Намеряете на то, что у меня был мотив? – Она даже улыбнулась. – Не смешите! Вы видели Сугробова?

Он видел то, что от него осталось, но все равно кивнул.

– Он был силен как бык. Он был выше меня на полторы головы. Я бы ни за что с ним не справилась. Посмотрите на

мои руки.

Он начал с ладоней, поднялся взглядом до локтей и выше к предплечьям. Никакого намека на скрытую, хорошо развитую мускулатуру. Нежные слабые руки. Изящные запястья, длинные тонкие пальчики.

– Как бы я смогла?! Да и на чем я бы повезла его за город, Илья Иванович? У меня нет машины. На такси на такие мероприятия не ездят, – фыркнула она почти весело.

Зато у нее мог быть сообщник. Какой-нибудь тайный или нет воздыхатель. Которого Сугробов тоже третировал. Который тоже дико устал за три года бесконечного преследования. И у которого могла быть машина, на которой они вместе вывезли пьяного Сугробова за город и там...

– У меня нет братьев, друзей, любовников. То есть у меня нет и не может быть сообщника, – продолжила рассуждать умненькая Настя Сугробова. – Я одна.

– Почему?

– Я взяла паузу в личной жизни. Устала от Саши настолько, что...

И вдруг она расплакалась. Горько, по-детски хлюпая носиком и дергаясь всем телом. И это было так неожиданно, что Громов чуть не бросился ее обнимать, чтобы утешить. Вовремя притормозил.

– Знаете, когда пришла эта женщина и сказала, что Саша исчез, я... Я так обрадовалась! Что даже отпуск взяла на две недели. И дом приводила в порядок. Мыла все, скобли-

ла. Стирала шторы, выбивала ковры. Почувствовала себя какой-то обновленной, свободной. Боже, как мне за это теперь стыдно!

Так-так-так...

Громов насторожился.

А что, если Сугрובה убили в ее квартире? И вывезли уже потом с петлей из его же собственного шарфа на шее? Оттого и генеральную уборку затеяла, чтобы скрыть следы преступления? Надо, надо пробить все ее связи. Три года и никаких отношений? У профессорской внучки с такими потрясающими ногами и шикарной жилплощадью, набитой коллекционными вещами? Да не верится, черт побери!

– Что за женщина? – спросил он, доставая блокнот с огрызком карандаша.

Он давно уже перестал таскать в карманах авторучки. Столько рубашек испортил протекшими чернилами.

– Что?

– Вы сказали, что к вам пришла какая-то женщина и сообщила об исчезновении вашего бывшего мужа.

– Да, пришла.

– Кто эта женщина?

– Ох... Какая-то учительница. Она представилась учительницей.

– Учительницей?!

Громов вдруг рассвирепел, почувствовав себя обманутым. Эта странная девица ловко водит его за нос, прикиды-

ваясь нежной, парниковой орхидеей. Что вообще она несет? При первом допросе ни о какой учительнице не было и речи. Ни она, ни сестра погибшего ни словом не обмолвились. Откуда взялась учительница?!

– Подробности той встречи? – потребовал он жестко и снова свел брови к переносице, намекая, что за ложь пощады не будет.

– В общем, ничего особенного в той встрече не было.

Настя выдернула указательным пальцем из высокого хвоста прядку волос и принялась ее накручивать. Глаза мгновенно просохли от слез, смотрели на Громова серьезно и настороженно.

– Я была дома. Вечер. Звонок в дверь. Открываю, стоит женщина. В годах, элегантная, достаточно симпатичная. Смотрит надменно. Спросила, знаю ли я Сугрובה Александра? Ответила правду. Да, это мой бывший муж. Мой бывший, ужасный муж.

– Это вы ей так сказали? Или сейчас добавили?

– Ей так сказала. – Настя оставила прядь волос в покое и снова уронила ладони на колени. – Она представилась бывшей учительницей Саши, попросилась войти. Я позволила. И тогда она прямо с порога потребовала, чтобы я написала заявление о его исчезновении. Представляете?

– С чего вдруг? Что за странная просьба? Как она объяснила?

– Честно? – Настя шумно вздохнула. Закинула за ухо

пряжку, с которой игралась. — Я так обрадовалась, что он исчез, что даже не стала спрашивать, зачем ей это нужно. Просто сказала, что никаких заявлений писать не стану. Мы давно в разводе и все такое.

— А откуда она узнала, что он пропал?

— Наверное, ей сказала Вера. Потом она еще что-то говорила о публичном скандале, который устроил Саша.

— Каком скандале?

— Я не знаю, — она глянула честно, прикладывая к груди обе руки. — Она говорила много, сумбурно. Я почти не слушала. Я даже фамилии ее не помню.

— А как звали ее?

— Кажется, Анна Ивановна. Но могу и напутать. Вы у Веры спросите. Она же знает его учителей. Должна помнить. Мы о его школьных годах с Сашей говорили мало. Почти совсем не говорили. Все, что я знала, так это то, что он отлично учился в школе. И даже побеждал на олимпиадах. Умницей был, одним словом. Как потом скатился до такого уровня, не могу знать.

— А вы не замечали за ним дурного, когда встречались?

— В том-то и дело, что нет. Он вел себя сдержанно, интеллигентно. Не пил. Не сквернословил. А потом дошел до того, что начал... Таскать из дома вещи! — Ее лицо брезгливо сморщилось. — Это так гадко.

— Понятно. Так что там с учительницей?

— А ничего. Я отказалась писать заявление. Вера, насколько

ко я знаю, тоже.

– А насколько вы знаете, откуда? Вы ей звонили?

Она быстро облизнула губы и стрельнула в него испуганным взглядом.

– Нет. Я ей не звонила.

– Она звонила вам?

Ох, как ему надоело тянуть из нее по слову! Припугнуть, что ли? Схватить за руки и потащить к порогу морга, который она не захотела переступить?

– Нет, не звонила. – Настя покусала нижнюю губу. – Она приезжала.

– Зачем?

– Скандалила. Наговорила гадостей. Ударила меня по щеке. И... – Настя запнулась и закончила возмущенно: – Ой, Илья Иванович, прошу вас, поговорите лучше с ней! Не могу больше!

И, вскочив со скамейки, она быстрым шагом бросилась прочь в направлении автобусной остановки. А он, глядя ей вслед, думал, что так и не спросил, откуда на ее ногах столько синяков.

Глава 5

Тридцать пять лет своей жизни Вера прожила в относительно спокойной, безопасной обстановке. Родители никогда их с Сашкой не обижали. Всегда бывали с ними вежливы и сдержанны. Не наказывали физически, что главное. Даже когда Сашка вляпался в скверную историю с сыном учительницы, они сохранили хладнокровие и рассудок. Никаких истерик. Никаких упреков.

По квартире без конца шастали какие-то люди. Следователи, адвокаты. Вера не вникала. И ни с кем из них не была знакома. Не видела необходимости. Ей на тот момент было чуть за двадцать, и она активно устраивалась в жизни. Пыталась удачно выйти замуж, удачно пристроиться со своим дипломом о среднем специальном образовании. Родители каждое утро за завтраком уверяли, что все будет хорошо, она и не переживала.

Только однажды она застала Сашку в растрепанных чувствах и засомневалась в благополучном завершении этой скверной истории.

Она в ту ночь вернулась домой позже обычного. Вернулась с очередного свидания с очередным претендентом на ее руку и сердце. Кралась по квартире на цыпочках, чтобы не разбудить родителей. Хоть ей было и за двадцать, ее поздние ночные гуляния не поощрялись. И мама могла начать тяжело

вздыхать и хвататься за лекарства, а отец скорбно поджимать губы и выразительно молчать. И это напрягало хуже брани.

Поэтому она кралась на цыпочках, боясь громко дышать. И тут плач! Из Сашкиной комнаты. Вера замерла посреди гостиной, прислушалась. Может, мать оплакивает незавидную долю своего младшего ребенка? При всех крепится, а ночью, сидя у постели спящего отпрыска, рыдает?

Нет, не мать плакала. Сашка! Сдавленно, едва слышно. Вера подошла к двери его комнаты, приоткрыла. Брат сидел на кровати, подтянув колени к подбородку, и, залепив рот ладонью, сотрясался от рыданий.

– Эй, ты чего? – Вера бросилась к нему, села рядом, обняла. – Ты чего, братишка?

– Все плохо, Вера! Все очень, очень плохо! – прошептал он, утыкаясь лицом в ее плечо. Шумно задышал. – Меня могут посадить. Надолго!

– Да брось! Чего ты выдумываешь? Родители сказали, что все будет хорошо. Значит, так и будет.

– Мне так плохо! – начал он тихо постанывать. – Мне ужасно плохо!

Она поморщилась. Ей было неприятно его шумное дыхание на собственной шее. Ей хотелось спать. Наутро у нее должно было состояться очередное собеседование. Ей следовало выглядеть отдохнувшей и свежей. К тому же Сашкин вой мог разбудить родителей, и тогда объяснений не избежать. И скорбно поджатых губ отца, и тяжелых вздохов ма-

тери. Надо было срочно заканчивать все эти сопли и укладываться.

И она начала говорить брату что-то хорошее-прехорошее. Гладила его по голове и рассказывала о том, какое его ждет блестящее будущее. Он же умница, талантище, не то, что она.

– Я боюсь, Верочка! – прошептал он, немного успокаиваясь от ее сбивчивых уговоров.

– Ну чего, чего ты боишься, Саша?

Она уже откровенно зевала и отчаянно терла слипающиеся глаза. И уже пожалела, что вошла в его комнату. Уже десятый сон видела бы.

– Я Глеба боюсь, – неожиданно выпалил он громким шепотом.

– Надо было тщательнее выбирать друзей, братец, – проговорила она, вставая с его кровати. – Нашел с кем дружить! С сыном мэра! Избалованный щенок. Возьмут, на тебя все сольют, будешь расхлебывать. А он соскочит!

– Ты не знаешь, Вера. Ты ничего не знаешь.

И он, ухватив ее за карман платья, остановил. И начал рассказывать. Ничего нового в принципе она не услышала. Но кое-что ее удивило. И тут же возникли вопросы к Сашке. Но она слишком сильно хотела спать и не собиралась ковыряться в этой скверной истории. К тому же ночью! Глубокой ночью! А ей утром на собеседование.

Собеседование она провалила. Была зла весь день. На бра-

та не смотрела, вернувшись домой. И уж точно не желала лезть к нему с вопросами. А потом дело замяли. И надобность в вопросах отпала сама собой.

Прошли годы. Точнее, четырнадцать лет прошло с той скверной истории. Мать с отцом то ли позора не выдержали, то ли нервных нагрузок, ушли друг за другом. С интервалом в десять месяцев. Она осталась одна, потому что замуж так и не вышла. Выбирала, выбирала, да так и не выбрала. А потом уж и выбирать стало не из кого. Одних она распугала своими завышенными требованиями, другие не выдержали вечно пьяной рожи ее брата.

Как же она обрадовалась, когда он наконец женился! Закатила вечеринку на последние деньги. Целовала симпатичные щечки будущей невестки, гладила ее по худеньким плечикам и уверяла, что с Сашкой она будет счастлива.

Не вышло! Не вышло у нее предсказать удачу, как у родителей. Все с первого дня пошло у них не так. Сашка, ненадолго протрезвев, снова взялся за старое. Так еще и вещи начал таскать из профессорской квартиры, идиот! Настя от него быстро отделалась. И братец вернулся в родительскую квартиру, в которой Вера так и не успела насладиться тишиной и покоем.

Когда он вдруг не явился ночевать, она ни о чем таком даже не подумала. Напился, решила она. Напился и остался у какой-нибудь шлюхи. Или на чердаке уснул, так случилось. Но он не вернулся и на второй, и на третий день. Она

пыталась до него дозвониться, но телефон был выключен. И вдруг на работе ее подзывает к себе начальник смены и показывает видео со своего телефона. А там ее родной братец собственной персоной устраивает дикий скандал сыночку бывшего мэра – Ильину Глебу. И несет что-то несуразное, трудно различимое. Трясет руками, пытается дотянуться до его головы.

Конечно, Сашку нейтрализовали. Охрана ресторана его скрутила и утащила куда-то. И было это как раз три дня назад. Потому его и нет дома. Он либо в больнице, либо в полиции, решила тогда Вера и успокоилась.

Если в больнице, то ничего серьезного, давно бы уже позвонили, он всегда носил с собой документы. Подлатают, выпишут, вернется. Если в полиции, то пусть сидит, раз дурак такой. Больше пятнадцати суток ему не дадут. Вернется.

Но Сашка не вернулся и через две недели. Зато явилась его бывшая училка. Та самая, из-за пропавшего сына которой ее родители и ушли на тот свет. Так считала Вера.

Анна Ивановна разыграла целую сцену на пороге ее квартиры, дальше Вера ее не пустила, опасаясь провокаций.

– Мне надо поговорить с Сашей, – настаивала она.

– Его нет. Уходите.

– Когда будет?

– Не ваше дело, – скрипела Вера зубами и пыталась закрыть дверь перед наглой женщиной.

– Я видела видеоролик в Интернете. Этот скандал... Он

что-то пытался сказать этому мажору. Он в чем-то обвинял его! Мне это важно, поймите. Что? На что он намекал?!

– Не знаю. Отстаньте, Анна Ивановна. Уходите!

Вера теряла терпение и силы, училка была настойчивой и лезла в квартиру.

– Понимаете, это может быть как-то связано с исчезновением моего сына. Понимаете или нет?!

Ее печальные глаза наливались слезами, губы и руки дрожали, она судорожно дышала. Она почти задохалась. И Вера сдалась.

– Его нет, потому что он после того памятного скандала так и не вернулся домой, – призналась она.

– Как не вернулся?! – Училка часто моргала, ловила ртом воздух.

Еще на Верином пороге обморока не хватало! Вера подергала плечами.

– Никак не вернулся. И не звонил.

– А где же он?

– Думаю, отсиживается где-нибудь. Может, у бывшей жены. Может, у шлюхи какой-нибудь. Мне это неинтересно. Уходите.

– Погодите, погодите, – она положила трясущуюся ладонь на дверную ручку, взмолилась. – Да погодите вы дергать дверь! Это же... Это же никуда не годится. Он где?! Вы даже не искали его?

– Нет. А зачем?

Вера скрестила руки перед грудью, устоялась на женщину. Рассказать ей о бессонных ночах, которые ей устраивал ее пьяный братец? Рассказать о его бреде, поломанной мебели, разбитых стеклах? Скандалах на ровном месте, когда он мучился похмельем? Рассказать? А смысл? Разве она поймет? Нет.

– Он совершеннолетний, Анна Ивановна. Он так решил.

– И вы не станете писать заявление о его исчезновении?! – ужаснулась училка, прижимая руки к груди.

– Нет. – Вера качнула головой и налегла грудью на дверь, намереваясь ее захлопнуть. – Все, разговор окончен.

Потом ей позвонила Настя – бывшая Сашкина жена. Рассказала о визите Анны Ивановны.

– Она настаивала, чтобы я пошла в полицию и написала заявление о его исчезновении. Она обвиняла меня в бездушии, Вера, – жаловалась Настя слабым голосом. – Но я не могу!

– Забей, Настя.

Вера ей даже немного посочувствовала. Хотя не могла простить того, что она так быстро избавилась от Сашки. И вовсе с ней не общалась после их скоропалительного развода.

– Но она уже дважды была, Вера!

– Я сказала, забей.

– Но как!

– Не открывай ей дверь и все.

– Думаешь, поможет? – спросила Настя с надеждой.

– Думаю, да.

Вот дура! Как не поможет? Не станет же училка орать под дверь, привлекая внимание соседей. И дверь с петель снимать не станет. Позвонит, постучит и уберется восвояси.

– Вера, я тут долго думала... – обронила перед тем, как попрощаться, Настя. – А где он в самом деле может быть?

– Не знаю и знать не хочу. Если хочешь узнать, иди в полицию.

– Не пойду, – почти выкрикнула Настя и отключилась.

Потом Вера долго мучилась угрызениями совести. И даже несколько раз брала такси, чтобы доехать до отделения полиции их района. Но порога так и не переступила.

Она боялась не того, что ее заявление не примут. Нет. Они сделать это были обязаны. Искать, конечно, не станут. Это факт. Но заявление принять обязаны.

Не этого она боялась.

Она боялась того, что кто-нибудь из полиции непременно вспомнит историю четырнадцатилетней давности. Вспомнит о скандале в ресторане, когда ее пьяный в стельку брат в чем-то пытался обвинить своего бывшего друга – Глеба Ильина. Начнут рыть, приставать с вопросами. И вытащат что-нибудь гадкое на свет божий. И Сашку посадят. А если его посадят, то он начнет говорить. И что-нибудь всплывет гадкое. Может, и нет. А вдруг?!

И имена зазвучат громкие. И одним из них будет имя Гле-

ба Ильина. А это было скверно.

Это раньше он был мальчишкой под защитой влиятельного папы. Теперь же он стал большим человеком. Влиятельным! В защите не нуждался. Хотя его до сих пор продолжали защищать, опекать и продвигать вперед, наверх.

Могла ли она в одиночку выступить против такой силы? Нет!

И Вера возвращалась домой ни с чем. И по дороге, мучимая угрызениями совести, рассуждала. Сашка вляпался? Так это его жизнь, его выбор. Она при чем? Она станет жить тихо и ждать дальнейшего развития событий.

Он вернется. Он где-то рядом. Он просто испуган и прячется.

Она даже как-то заехала к Насте. Но разговора не вышло. И Вера, не сдержавшись, ударила ее по щеке. Потом было за это стыдно. Но извиняться она не собиралась.

Прошло три месяца. Вера почти убедила себя, что ее брат сбежал от расправы и вот-вот объявится, как снова в ее дверь позвонила та самая училка Анна Ивановна Скоморохова.

На этот раз она прорвалась в ее квартиру. Уселась за кухонный стол и час рассказывала ей о какой-то девушке Варе, о ее парне, который был одноклассником Сашки. Которого будто тоже похитили. А потом и Варя исчезла. Но оставила ей видеоматериал, который позволит наконец призвать к ответу чудовище в облике Ильина Глеба.

– Это он! Это все он! Он стоит за исчезновением моего

мальчика. И за исчезновением вашего брата, Вера! – выразительно, как балладу читала, рассказывала о своих соображениях Скоморохова. – Теперь еще и Павел с Варей! Он маньяк! Его пора призвать к ответу!

– У него скоро выборы, – напомнила Варя.

В голове у нее все перемешалось. Желание избавиться от назойливой женщины становилось с каждой минутой все острее. Но и любопытство жалило. А вдруг она, черт побери, права?!

– Вот именно! Выборы! Мы не должны допустить, чтобы к власти, пусть и в масштабах нашего района, пришел человек с таким прошлым. Маньяк!

Она вскоре ушла, а Вера провела еще одну ночь без сна. Она все думала и думала, как ей поступить? Пойти в полицию и рассказать обо всем? И написать уже заявление об исчезновении брата? Или пойти к Глебу? И прижать его к стенке неопровержимыми доказательствами? И заставить во всем признаться в обход полиции? И...

И пусть он заплатит сполна. И ей плевать, в рублях или долларах. Он должен ей заплатить за все. За преждевременную смерть родителей, за неустроенную жизнь Сашки, за его внезапное бегство наконец.

Дело все было в том, что доказательств у нее на руках не было. Они были у училки. А та добровольно с ними не расстанется ни за что. Либо захочет быть в доле.

Как быть?!

И вдруг Анна Ивановна сама позвонила ей. И рассказала, что днем к ней приедет дознаватель из полиции с вопросами. И что Вера могла бы поприсутствовать при их разговоре. Вера согласилась, но с условием, что Анна Ивановна покажет ей видеозапись, на которой похищают Пашку Игумнова.

Вера поехала к ней, но дома не застала. Соседка сказала, что на училку во дворе кто-то напал, пробил ей голову, украл сумку, и ту увезли в семнадцатую больницу.

– Сидел себе человек на скамеечке, сидел. Никого не трогал.

– А что она там делала? Во дворе? – хмурилась Вера. – Мы с ней договорились о встрече дома.

– Полицию ждала.

Вера вышла из подъезда, опустилась на скамейку у подъезда и обшарила глазами все вокруг. Что она искала? На что надеялась? На чудо? Наверное...

Отец с матерью всегда уверяли, что мысли материальны, что, если что-то очень сильно пожелать, оно непременно сбывается.

А она пожелала, чтобы Анна Ивановна вышла во двор встречать дознавателя из полиции не с пустыми руками. Чтобы в ее сумочке, которую кто-то украл, была та самая флеш-карта. И чтобы она ее в момент нападения каким-то образом из сумки вытащила. Или чтобы вообще в руках держала, а при нападении выронила. И пусть флеш-карта теперь валяется где-то здесь и...

Она нашла ее! Господи! Она ее нашла! В клумбе прямо позади скамейки, на которой дожидалась дознавателя пожилая училка. Крохотный черный квадратик, бережно обернутый в лоскуток пищевой пленки, валялся у корней буйно цветущих пионов.

Вера, боясь поверить, что загаданное чудо все же свершилось, подняла его и сунула в карман. И поспешила убраться из двора, куда вот-вот нагрянет полиция.

Страшный звонок настиг ее, когда она уже подъезжала к дому на двести сорок втором автобусе. Это был маршрут, которым она крайне редко пользовалась. Никогда автобуса не дождешься! Зато он останавливался почти у подъезда.

То, что он подошел так вовремя, тоже своего рода везение. Она, забившись в угол сиденья, обнимала свою сумку руками и мечтала. Улыбалась тихонько и мечтала. Как припрет доказательствами Глеба Ильина. Как стрясет с него денег. Много денег! Как отыщет, наконец, Сашку, и они уедут куда-нибудь подальше от этих мест. И начнут жить с нуля. Перезагрузят свое невезучее прошлое. И...

И ей позвонили и сообщили, что Сашку уже нашли. Нашли за нее. Только вот никакой общей жизненной перезагрузки у них не выйдет. Потому что Сашку нашли мертвого.

Глава 6

Варя третий день сидела на новой съемной квартире, боясь высунуть нос на улицу. Ей было очень страшно. Вся эта история, которую влиятельный человек назвал простым розыгрышем, вдруг перестала ей казаться таковой. Потому что после того, как Пашку затолкали в машину и увезли, а она, засняв материал, благополучно извлекла флешкарту из портативного фотоаппарата и спрятала ее в кошельке, все сразу пошло как-то не так.

Нет, не все, конечно. И не сразу. Но пошло все не по сценарию, который на ходу набросал влиятельный человек, предложивший им с Пашкой подзаработать.

Почему выбрали именно Пашку и ее, они не задумывались. Это потом уже Варя всю голову сломала, размышляя над этим вопросом. Ответов не было. И денег пока тоже.

Нет, им выплатили с Пашкой аванс, но это было ничтожно мало в сравнении с той суммой, которую им обещали. Варя, к стыду своему, уже почти все потратила из своей доли. Свою долю Пашка забрал сразу же. С деньгами и в машине сидел на том месте, где им велели сидеть.

Они все сделали, как было велено. Все по инструкции. Когда Пашку увезли, Варя сразу вызвала полицию. Потом доехала с ними до отделения, но внутрь не пошла. А вместо этого направилась к какой-то учительнице. Рассказала ей все,

как было велено. Оставила ей флешкарту, свою визитку. И уехала с фотоаппаратом, на котором тоже осталось видео, на такси на свою съемную квартиру, чтобы собрать вещи.

Этой же ночью она переехала на другую квартиру, которую они с Пашкой сняли заранее и о которой никто не знал. Даже тот мужик, предложивший им шальной заработок. Туда должен был вернуться Пашка. На следующее утро или к полудню. Там они должны были отсидеться какое-то время. Потом забрать причитающиеся им остальные деньги. И уехать куда-нибудь подальше.

Но он не вернулся! И телефон его молчал. В смысле был отключен. Варя металась по квартире, боясь выглянуть из окна на улицу. Боясь выйти из подъезда. Ей все казалось, что ее сейчас схватят те же люди, что увезли Пашку. Увезут тоже куда-нибудь и убьют, чтобы не платить.

Она могла бы, конечно, позвонить тому человеку, который их нанял. Задать вопросы: про Пашку, про деньги. Но дело в том, что телефона его у нее не было! Все переговоры вел Пашка, а его телефон молчал.

– Бли-ин! Блин, блин, блин! – стонала Варя и металась по съемной квартире, как зверь по клетке.

Телевизора здесь не было, новостей она никаких не знала. Вдруг с Пашкой случилась беда? Вдруг его машина сбила на пешеходном переходе? И он лежит теперь беспризорный и...

К вечеру третьего дня она не выдержала и вышла на улицу. Первым желанием было поехать на автовокзал, купить

билет до своего родного города и уехать к маме. Она едва не расплакалась, вспоминая мамины маковые булочки, шерстяные носочки и клетчатый плед, которым та ее укрывала, если Варя дремала в саду под яблоней в стареньком кресле-качалке.

Но вдруг вспомнила, как уезжала. Они дико разругались тогда. И Варя, плюнув на порог родного дома, сказала, что никогда больше сюда не вернется. Никогда!

Она зашла в ближайшее к дому кафе. Заказала картофельный салат, суп и чай с блинчиками. Голодна была страшно. Сухой паек, который она прихватила с прежней квартиры, закончился вчера вечером.

Варя села напротив телевизора, по которому транслировались местные новости, и затихла.

Сначала по новостному каналу освещали форум бизнесменов. Потом показывали открытие каких-то строительных объектов. Что-то показывали еще, много и скучно. Варя съела салат. Приступила к супу, когда начался криминальный блок новостей. Она слушала краткий обзор, застыв с ложкой у рта, но ничего про Пашку не было сказано. Ни слова о его похищении или о том, тьфу-тьфу-тьфу, что его нашли где-то мертвым. Как, к примеру, того мужика, который потерялся три месяца назад.

Фамилия еще у него какая-то...

Какая-то знакомая. Где-то она уже слышала упоминание о каком-то Сугробове. Когда? Где? Пашка, кажется, ниче-

го такого не говорил. Где же она слышала про него? Как бы вспомнить.

И ведь вспомнила!

Какая же она все-таки дурочка! Она же сама эту фамилию упоминала, когда явилась почти в полночь к пожилой женщине с легендой о похищении Павла. И та очень активно эту тему развивала. И упоминала, что Паша и этот самый Сугробов – одноклассники. И еще упоминала фамилию влиятельного лица, против которого вся эта история и затевалась.

Ильин...

Ильин Глеб Сергеевич. Его симпатичное холеное лицо улыбалось им уже несколько месяцев с рекламных плакатов. Было много разных передач с его выступлениями на телевидении. У него были хорошие шансы победить на выборах.

Именно по этой причине Варя и Пашка стали участниками грязной сфабрикованной истории. Цель была одна – навредить этому человеку.

А он был даже неплох. Много чего уже успел сделать для людей того района, где собирался править. И жена у него была. И родители хорошие.

И зачем они только с Пашкой ввязались в эту скверную историю?! Из-за каких-то жалких копеек. Остаток-то, Варя теперь уже была уверена, им никто не выплатит.

Новости закончились. Про Пашу ничего не сказали. Она заплатила за ужин и вышла на улицу. Вечер был очень душевным, и ей тут же сделалось жарко в клетчатой Пашкиной ру-

башке с длинными рукавами. Это она так пыталась законспирироваться. Надела его рубашку, а она на три размера больше. Длинные волосы убрала под кепку. Плотные спортивные штаны. Кроссовки. И теперь возвращалась на съемную квартиру, обливаясь потом. В какой-то момент у нее так закружилась голова, что она вынуждена была присесть на скамеечку, чтобы отдышаться.

Это ее и спасло! Если бы она пошла дальше, если бы не остановилась, не присела, то наверняка нарвалась бы на тех молодчиков, которые ее караулили возле подъезда.

А они ее караулили, это точно!

Их было трое. Высокие, широкоплечие. Вроде тех, которые заталкивали Пашку в машину. Это были люди того человека, который их нанял, который решил им не платить? Убить дешевле?

Она приподняла ноги, перенесла их через скамейку. Нырнула в кусты. Надела ремень сумочки на шею, упала на четвереньки и поползла. Расцарапала себе лицо, ладони, но выбралась из двора в противоположной стороне. Вылетела на бровку тротуара со вскинутой рукой. Такси притормозило почти сразу.

– Автовокзал, – сказала Варя, усаживаясь сзади. – Сколько?

– Двести пятнадцать рублей, – назвал водитель цену, сверившись с бортовым компьютером.

– Отлично. Поехали.

Она уедет к маме. Попросит прощения. Мама простит. И снова станет укрывать ее сонную теплым пледом и печь маковые булочки. И ей будет хоть и скучно, но спокойно. И совсем, совсем не страшно.

Варя отстояла в очереди двадцать минут. Купила билет на последний рейс – на половину первого ночи. Вообще не была уверена, что автобусы в их город отправляются в такое время. И даже намеревалась ночевать на вокзале. А с первым утренним рейсом выехать.

А так она к утру уже дома будет. У мамы. Здорово.

В ночном киоске купила бутылку воды, два шоколадных батончика. Бросила в сумочку. Вошла в полупустой автобус, заняла свое место возле окна и почти сразу, как отъехали, она задремала.

Она на удивление крепко спала. Кошмары не задели ее даже краешком. Проснулась от крика водителя, что они приехали на конечную остановку.

Глянула на часы. Половина пятого. Автобусы по городу еще не ходят. Таксистов, выйдя из автобуса, Варя не обнаружила. Попыталась найти через Интернет какой-нибудь номер. Интернета нет!

– Вот дикость, а! – прошептала она и пошла пешком по знакомой с детства дороге.

Два с половиной километра до дома матери она преодолела за полчаса. И уже хвалила, а не ругала себя за то, что на ней были плотные трикотажные штаны и кроссовки. Утро

было ветреным, и накрапывал дождь. В коротких шортах, сандалиях и футболке она как раз бы до ангины нагулялась. Скорее бы в дом. В старенький, но теплый. С немодной мебелью, но уютный. Скорее бы упасть в мамины руки и попросить прощения. А там видно будет, как дальше жить.

Варя шагнула из-за высокой ограды районного стоматологического центра, перестроенного не так давно из обычной ветлечебницы. И встала как вкопанная.

Все окна маминого дома светились. В пять утра?! Мама никогда раньше шести не вставала. И никогда не держала входную дверь распахнутой настежь. А она распахнута, черт побери! Распахнута!

Тревожные мысли о том, что это не ее мать, а ее саму там – за родительским порогом – ждет беда, посетили Варю, когда она неожиданно споткнулась у входа об пару мужских ботинок. Споткнулась и встала как вкопанная.

А что, если кто-то узнал ее старый адрес? Узнал и явился за ней сюда, опередив еле плетущийся междугородный автобус. Провел в доме обыск, включив везде свет. И теперь ждет, когда она войдет в гостиную. Ждет, нацелив оружие на дверной проем.

Она замерла на пороге, прислушалась.

В гостиной кто-то тихо разговаривал. Она точно узнала голос матери. Достаточно бодрый, точно не испуганный. И еще мужской голос. Вроде не старый, но и не молодой. Голос этот был Варе незнаком.

На цыпочках она прокралась по коридору к гостиной, моля половицы не скрипеть под ее ногами. Чуть высунулась из-за притолоки. И едва не ахнула в полный голос.

Полицейский! За столом напротив матери сидел человек в мундире. Мясистый профиль. Большая лысая голова. На носу очки. Полицейский негромко о чем-то спрашивал мать и записывал под ее диктовку.

– И больше вы его тут не видели? – Он повел левой рукой: вперед, в сторону и чуть назад.

– Нет. Никогда. Ни раньше, ни потом. То есть не видела.

– Хорошо. Давай еще раз пройдемся по его приметам.

– Давай.

Худенькая спина матери под байковым халатом распрямилась. Она сложила руки на столе, скрестив пальцы. Чуть склонила голову.

– На вид лет тридцать, не больше. Высокий, худой. Волосы русые, длинные. Пряди так вот за уши делает. Взгляд бегущий.

– Ну, а какие-то особенные приметы были у него? Шрам? Или, может, зуб золотой?

Мясистое лицо полицейского чуть придвинулось к плечу матери.

– Нина Николаевна, это важно. Вспомни. Мы ведь однажды так вот, по горячим следам, по золотой фиксе убийцу нашли.

– Фикса – это что? – растерялась мать Вари.

– Это коронка, Нина Николаевна.

И полицейский, который, судя по всему, был местным участковым, ощерил рот и стукнул себя кончиком авторучки по зубам.

– А, понятно, – протянула мать и отрицательно замотала головой. – Нет, золотых коронок точно не было. Зубы все ровные, белые.

– Значит, говоришь, ночевала у соседки, и тут у тебя в доме свет включился?

– Так. Совершенно так. Причем уже под утро. Часа два назад. Мы с ней сюда. А он в холодильник влез по самые колени и шарит там. Мы с соседкой как заорем! Он из холодильника как вынырнет, как затрясется. Говорит, не кричите, пожалуйста. Я есть просто хочу.

– То есть он в твой дом залез за едой?

– Наверное, зачем еще-то? У меня ценностей нет, телевизор и тот сломался. Я потому и у соседки заночевала. Сериал наш допоздна идет. Она меня и оставила. Говорит, ночуй тут, чего ночью по темноте ноги ломать. А он видит, света нет, и полез.

– За едой? – еще раз уточнил участковый.

– Да. Ну и еще что-то бормотал про какого-то человека. Говорит, подождать его надо. Разминулись, мол. А соседка говорит: тут тебе не перевалочный пункт. И скалкой в него, скалкой. Он и убежал. А мы тебя вызвали, Василий Иванович. Уж прости, что с постели подняли. Боязно как-то. Вдруг

он вернется?

Варя вздохнула. Стащила с головы кепку, тряхнула волосами, расправляя пряди. И шагнула в гостиную.

– Привет, мам. Здравствуйте, Василий Иванович.

– Это кто?! – Толстое туловище участкового вжалось в спинку стула. – Еще один ночной гость?!

– Это? Это Варя – дочка моя, – морщинистое лицо матери осветилось улыбкой, она закачала головой. – Варя! Девочка! Ты откуда?

– С автобуса, мам.

Она подошла к столу, наклонилась. Ключнула губами мать в щеку. От той привычно пахло выпечкой. Будто она только-только отошла от плиты.

– Теперь до нашего города автобусы ходят каждый час, представляешь?

– Радость-то какая, – прошептала мать. Глянула на участкового. – Василий Иванович, дочка вернулась! Радость-то какая! Да что же это мы... Ты же с дороги. Да как же... Я сейчас котел включу, искупаешься. Покушаешь, отдохнешь. Счастье-то какое! Василий Иванович!

Она вскочила с места. Обняла крепко Варю. Поцеловала обе щеки. Погладила ее по лицу, будто стирала свои поцелуи. И поспешила в котельную. Участковый шумно поднялся со стула. Одернул китель.

– Нина Николаевна, – неуверенно крикнул он вслед Вариной матери. – Так что будем делать-то? Будем писать заяв-

ление о проникновении со взломом? У нас ведь ваш вызов зафиксирован. Как быть?

Мать вернулась запыхавшаяся, улыбающаяся. Руки мнут кухонное полотенце.

– Сейчас, милая. Десять минут, и горячая вода будет, – обратилась она к Варе, без конца трогая ее за руки, и тут же рассеянно глянула на участкового. – Я уж прямо и не знаю. Убежал он. Где же его теперь искать? Полиции одна морока. А со мной дочка теперь. Мне и не страшно.

Зато дочке страшно! И еще как! Варя едва не фыркнула. Сдержалась, чтобы мать не пугать.

– А у вас там отчетность всякая. Еще влетит за меня, – мать виновато улыбалась пожилому полицейскому.

– Но я уже и протокол составил, – он надул полные губы, сердито засопел. – Получается, ложный вызов. За это тоже надо отвечать, Нина Николаевна!

Он грубо сгреб бумаги со стола. Подхватил с комода форменную фуражку и пошел к выходу, тесня женщин.

– Да не сердись ты, Василий Иванович, – всплеснула мать руками и растерянно глянула на Варю. – Ну вот. Обиделся. Хорошего человека обидела.

– Василий Иванович, стойте.

Варя полезла в сумочку, достала свой мобильник. Полистала фотографии в памяти. Нашла Пашкину из кафе. Она там его очень удачно подловила. Вышел симпатичным и даже интеллигентным.

– Мам, посмотри. Он? – Она показала матери Пашкино фото.

– Ой. Он. И правда, он. А откуда...

Мать попятилась, ткнулась коленками в стул и опустилась на него без сил, обхватывая ладонями лицо.

– Вам известна личность грабителя? – Участковый передумал уходить и рассматривал теперь Варю с подозрительным прищуром.

– Да никакой он не грабитель. – Варя широко развела руки. – Парень это мой.

– Твой кто?! – ахнула мать в испуге.

– Парень, мам! Живем мы с ним гражданским браком уже больше года. Ты думала, так не бывает?

И тут Варя отчетливо вспомнила, из-за чего она с матерью разругалась перед своим отъездом. Разговор зашел о нравственности. Вернее, о полном ее отсутствии у современной молодежи.

– Вам сейчас можно все! – надрывалась мать в праведном гневе. – Влезть в чужую жизнь, разрушить там все!

– Почему нет, если там разрушать уже нечего?

У Вари на тот момент случился роман с женатым женщиной. И его жена устроила гадкий скандал на пороге дома Вари и ее матери. Варя с женой любовника огрызалась, а мать плакала от стыда. А потом они скверно поскандалили. И Варя плюнула на порог дома и уехала.

Получается, с чем уехала, с тем и вернулась.

– Как так вышло, Варвара, если не ошибаюсь? – Участковый немного втянул живот, намереваясь застегнуть китель. Но не вышло. Китель не сходиллся сантиметров на пять. – Как так вышло, что он прибыл сюда один и влез в дом в отсутствие хозяев? У вас была с ним договоренность?

– Нет. Не было. Я вообще думала, что его уже нет в живых, Василий Иванович.

Мать странно пискнула и замерла с открытым ртом. Кухонное полотенце, выпавшее из ее рук, опустилось у ее ног чайкой с рваными крыльями.

– Как это?!

Василий Иванович так разволновался, что с третьей попытки стянул на толстом животе форменный китель.

– Случилась одна очень скверная история, мои дорогие.

Варя прошла по гостиной к мягкому дивану под старомодным плюшевым покрывалом. Сбросила с ног кроссовки. Влезла на диван с ногами. И произнесла:

– И история эта связана с большой политикой, мои дорогие родственники и соотечественники. Если Пашка еще жив, то это очень хорошо. И было бы еще лучше, если бы он оставался жив еще долго. Ну, и я вместе с ним.

– Господи! – Мать громко всхлипнула.

Василий Иванович трубно кашлянул и китель расстегнул. Бумаги, которые он несколько минут назад неаккуратно сгрел со стола, снова на него легли. Участковый принялся их разглаживать пухлой ладонью. Потом сел на скрипучий стул.

Строго глянул на Варю:

– Ну, гражданка Карнова! Готовы дать показания под протокол?

Глава 7

– Глеб Сергеевич, все не так плохо, как казалось вначале, – неуверенно проговорил Юрий и с сомнением глянул на Ильина.

Слышит он его, нет? Полулежит в кресле с закрытыми глазами. Ноги разбросаны по полу. Одна рука безвольно свисает. Вторая сжимает стакан с алкоголем. То ли задремал, то ли слушает его с закрытыми глазами, то ли просто пьян и ему все безразлично. Его – Юрины – метания в том числе.

И Юра замолчал, принявшись рассматривать загибающийся сад за окном.

Вид этого сада его всегда приводил в недоумение. Каким надо было быть дураком, чтобы заказать ландшафтного дизайнера, специализирующегося на растениях в климате субтропиков? Там он, может быть, был и хорош. Никто и не сомневается. Но в центральной полосе России вся предложенная им растительность принялась чахнуть в первый же год, еще летом. Что говорить о зиме? После зимы в саду не осталось почти ничего, даже травы. Дизайнера привезли снова, и он опять начал ковырять землю и тыкать в нее пальмы, цветы, которые начали увядать, кажется, когда он еще был на участке.

Денег ему было заплачено немерено. Юра посчитал, а деньги считать он умел, один гонорар горе-садовника пе-

рекрывал его годовую зарплату. Делалось немного досадно. Он-то работу свою делал на сто из ста. Странно, что этого не понимал его новый хозяин.

Последнее время ему все чаще хотелось плюнуть на все и уйти. Куда угодно. Хоть охранником в районный ЧОП. И он даже сделал попытку. Всего одну. Ее хватило, чтобы понять: он там загнется. Так же, как тропические цветы в саду его молодого хозяина, так и он загнется в районном ЧОПе. И он сделал вывод: надо искать что-то более серьезное. Либо поменять работодателя. С этим была одна тоска. Пьет, гуляет, семьей, карьерой, бизнесом не занимается. Все пущено на самотек. Пока тесть подстегивает, еще как-то дела идут. А если Лена уйдет от него, что будет?

Правильно, не будет Лены, не будет и тестя. Не будет его влияния на обстоятельства и Глеба. И тогда он точно сдохнет в какой-нибудь канаве. Юры-то тогда тоже рядом с ним не будет.

– Ты чего замолчал, Юра?

Глеб сел ровно, открыл глаза, глянул на него совершенно трезво и осмысленно. Может, стакан в его руках – бутафория? Так сказать, раздражающий фактор для Лены?

– Говорю, все не так плохо, как казалось...

– Это я слышал. Уточни: что плохо, а что не очень. – Глеб глянул на него злыми трезвыми глазами.

– В общем, в Сети это видео пока не появится.

– Пока?! Звучит обнадеживающе! – фыркнул Глеб.

Не пролив из стакана ни капли, он уронил его на пол. Тот встал четко на донышко. Глеб медленно выбрался из кресла, зашагал к окну. Высокий, гибкий, стройный. С красивой рожей, сильно смахивающей на голливудскую. Густые белокурые волосы, свисающие ему на уши крупными кольцами, довершали это сходство.

«Ума ему тоже не занимать, – подумал Юра. – Только его бы да на благие дела. Не на пороки!»

О пороках своего молодого хозяина он мало что знал, но о многих догадывался. Тот скрытничал, очень виртуозно уходил от наблюдения, по возвращении запирался на неделю в комнате и почти не выходил. Что он мог творить, пока отсутствовал?

От предположений Юру иногда передергивало. Но вопросов он привык не задавать. Если не удалось выследить, значит, он сам не так хорош. И он стал стараться еще сильнее. Он должен был знать об этом человеке все!

– Видео, которое снимали, было в двух экземплярах. Один остался у девки, второй она отдала Скомороховой.

– Этой старой перечнице?! – скрипнул зубами Глеб.

– Да. Анне Ивановне Скомороховой. Вашей бывшей учительнице.

– И как сделать так, чтобы оно не появилось в Сети?

– Я работаю над этим.

Юра набрал полную грудь воздуха, прекрасно зная, что последует за его словами.

– То есть, если я правильно понял, ты не навел на училку? Ты не вычислил девку и ее парня? И записи у тебя нет?

– Нет.

– Зашибись! – процедил Глеб по слогам. – А что ты делал все это время, Юра?

– Работал.

– Хорошо же ты работал, раз нет результатов. Мне было бы плевать, дорогой мой, если бы все это было сфабриковано. Фальшивые номера и все такое. Но машина... Машина точно была моя!

– Точно ваша, – поддакнул Юра.

И с силой стиснул зубы, чтобы не напомнить, каким образом политические оппоненты раздобыли его машину.

Им даже стараться особо не пришлось. Глеб всегда оставлял свой автомобиль открытым возле любимого ночного клуба. С ключами в замке зажигания! И оставлял он его возле «черного» хода, чтобы не светиться особо. У него же на носу выборы!

Твою мать, что за идиот! До родного отца ему ох как далеко. А уж до тестя и подавно. С ним одни проблемы. Чего стоила ужасная история четырнадцатилетней давности с пропавшим подростком – другом Глеба. Она впоследствии стоила отцу Глеба политической карьеры, и бог знает, скольких денег, чтобы все замять.

– Они взяли ее, устроили фальшивое похищение и вернули машину на место. Я же на ней домой вернулся!

Глеб уперся кулаками в подоконник, рассеянно оглядел загибающийся сад.

– За что я плачу этому садовнику-уроду деньги? Почему так все страшно за окном?

Юра только закатил глаза и промолчал. Третий год страшно, а он только заметил?

– Где похищенный парень? Его удалось найти? Как его фамилия?

– Где похищенный, пока не выяснено.

– А кто? Кто он?! Что за одноклассник Сугрובה?

– Некто Павел Игумнов, – ответил Юра.

– Пашка?!

Спина Глеба дернулась, будто по ней ударили. Минуту он стоял неподвижно. Потом медленно повернулся. Лицо превратилось в маску.

– Пашка... Пашка Игумнов...

– Вы с ним знакомы?

– И да, и нет, – ответил Глеб неуверенно после продолжительной паузы. – Он был парнем с сомнительной репутацией. Мне родители запрещали с такими водить дружбу.

Юре показалось, что последние слова Глеб произнес с издевкой.

– Но вы общались?

– Немного. У Сугрובה были с ним какие-то дела. Они были одноклассниками, ты же знаешь.

Юра думал минуту.

– Очень скверно, Глеб Сергеевич, – произнес он, рассматривая четкие линии на своей правой ладони. – Все очень скверно.

– Что именно? – слабым голосом отозвался молодой хозяин.

И поплелся обратно в кресло. Упал в него. Не глядя, подхватил стакан с пола и выпил все.

– Павел пропал в тот момент, когда нашли тело Сугробова. Практически в один день. Сугробов был задушен собственным шарфом. Три месяца назад. Почти сразу же после шумного происшествия в ресторане, которое попало...

– Я знаю, куда оно попало, Юрий. – Глеб с тяжелым вздохом поставил стакан на пол, закрыл лицо руками. – Я не причастен! Я его не убивал. Я не похищал Пашку. Я вообще не понимаю, что происходит.

«Добро пожаловать во взрослую жизнь, мальчик! – ядовито улыбнулся Юра. – Полез в политику, перейдя дорогу влиятельным людям, скомкал их планы и думал, что все тебе сойдет с рук?»

Но вслух он сказал другое:

– Будем разбираться, Глеб Сергеевич. Я нашел поликлинику, в которую попала Скоморохова.

– А как она туда попала? Что с ней? Захлебнулась желчью? – Глеб дурашливо захихикал.

– На нее напали во дворе собственного дома, где она дожидалась дознавателя, чтобы передать ему видеозапись.

– И?! – Глеб встрепенулся. – Только не смей говорить мне, что у нее отобрали копию! Ты же сказал, что она у нее!

– Я сказал, что ей ее передали. Но видео у нее не сохранилось. При нападении у нее отобрали сумку. Запись была в ней.

– А-а-а-а-а! – протяжно заорал Глеб, запрокидывая голову на спинку кресла и молотя кулаками по подлокотникам. – Это что-о?! Что за срань, Юра?! Запись у нее была, ее у нее украли. Где она теперь всплывет?! Где?! Где вообще девка, которая все сняла?

– Мне удалось выяснить адрес ее новой съемной квартиры, она туда съехала из предыдущей, – доложил Юра скромно, хотя и ждал похвалы.

Ему, между прочим, пришлось из собственной кожи вылезти, чтобы это выяснить.

Глеб не похвалил.

– Ну, и где же она? – спросил он с неудовольствием.

– Она сбежала от моих парней.

– Ты знаешь, а я не удивлен. – Глеб дурашливо захихикал. – Как-то в последнее время все ускользает от тебя. А, Юрий? Не кажется тебе, что ты перестал контролировать ситуацию?

Он промолчал, плотно стиснув зубы. Слова, которые рвались с языка, были неприличными и бранными.

– Ситуация под контролем, Глеб Сергеевич, – ответил Юра, профессионально подавив ругательства. – Мне удалось

выяснить, куда она направилась.

– Да? И куда же?

– Она поехала к своей матери. В районный город.

Юра назвал. Глеб наморщил лоб.

– Не слышал о таком.

– Совершенно точно она уехала туда последним автобусным рейсом пару дней назад. Мои люди уже там. Ведут наблюдение за домом.

– А чего только наблюдение ведут? Почему не схватить ее сразу?

– По имеющейся информации, Глеб Сергеевич, Павел Игумнов объявился там чуть раньше нее. И наделал шума в доме ее матери. Той пришлось даже полицию вызывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.